
Н. В. ШЛЫГИНА

РОЛЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЙ
В ПРОЦЕССЕ АССИМИЛЯЦИИ ВОДСКО-ИЖОРСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На южном побережье Финского залива, на территории современных Кингисеппского и Ломоносовского районов Ленинградской области, наряду с русскими жили довольно значительные до недавнего времени группы финноязычного населения: воть, ижора, ингерманландцы, или ленинградские финны (савакот и эвримёйсет), а также карелы и эстонцы. Они принадлежали частью к коренному населению края, частью переселились сюда в разное время.

Древнейшими обитателями края может считаться воть, обособление которой от северозападных племен, так же как и формирование водского языка, происходило не позже первого тысячелетия н. э.¹ В середине первого тысячелетия н. э. воть расселялась, видимо, на обширном пространстве от берегов Финского залива до верховьев Луги и Плюсены, от Нарвы до Невы². Не позднее конца VIII—начала IX в. на эту территорию с юга проникают славянские племена. Местное население частью было оттеснено на север, частью осталось на старых местах обитания, среди славян³.

Приблизительно в это же время через Карельский перешеек на южное побережье Финского залива переселяется одна из ветвей карельских племен, обосновавшаяся первоначально в бассейне р. Ижоры, по которой и получила от русских свое название. Постепенно эта группа продвинулась дальше на запад. Интересно, что в качестве самоназвания ижорцы до сих пор сохранили этноним «карелы»⁴; так же называют их воть и до недавнего времени называли эстонцы. Ижорский язык советские лингвисты считают самостоятельным языком и различают в нем несколько диалектов (сойкинский, хевакий, верхне- и нижнелужеюи) •. Наиболее близок к карельскому и свободен от позднейших финских наслоений верхнелужский диалект, на котором говорила группа ижоры, жив-

---

¹ П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков в древнейшей пещерной культуре, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Галлин, 1956, стр. 21-Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, там же; В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода, «Сов. археология», XVIII, 1953; П. Кеппен, Воть и Вотская пятна, «Журнал Министерства народного просвещения»,

1881, т. 4, ф. 1

² В. В. Седов, Указ. раб., стр. 209; Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск, 1947; Q. Rank, Valtalaiset, Helsinki, 1960, стр. 14-15.

³ В. В. Седов, Указ. раб., стр. 211; П. А. Аристе, Указ. раб. стр. 22.

⁴ A. Ariste, Isuri keelest, «Emakeele Seltsi aastaraamat», 11, Юоф.

⁵ A. Laanest, Isuri murrete ruhitamisest, «Keele ja Kirjanduse instituudi uunmised» (далее ККУ), vi, 1961.

шая в Оредежском районе⁶. Диалекты ижоры, жившей на север от Невы, остались неизвестными⁷. Уже в писцовых книгах 1500 г. все ижорцы с Карельского перешейка имеют русские имена, что свидетельствует о принадлежности к православной церкви, и перечисляются подряд с русскими, так что в то время уже не делали между ижорой и русскими принципиального различия. В 1885 г. мы находим в материалах по Петербургскому уезду такие сведения: «Все ижора — православные. Говорят по-русски и другого языка не знают. Одеждой, жилищами, образом жизни они ни в чем не отличаются от русских»⁸.

Как у води, так и у ижоры в результате различных исторических обстоятельств не сложилось собственных государственных образований. И те и другие на сравнительно раннем этапе вошли в состав первоначально Новгородского, а затем Русского государства. Новгородцы принесли с собой води и ижоре христианскую религию в форме православия. Судя по источникам, крещение происходило насильственно и при сопротивлении местного населения, но постепенно православие укрепилось, хотя некоторые пережитки дохристианских верований в обычаях и обрядах сохранялись вплоть до XIX в. Немцы, а также шведы, неоднократно и безуспешно пытались ввести в этих местах сначала католичество, позже лютеранство⁹. Принадлежность к православной церкви сыграла значительную роль в дальнейших судьбах води и ижоры: в феодальную эпоху вероисповедание в самосознании народа играло иногда большую роль, чем языковая и государственная принадлежность.

Чересполосное расселение с русскими, общность исторических судеб, единые государственность и религия, борьба против общих врагов — все это содействовало сближению культуры и быта местного финноязычного и русского населения¹⁰. К тому же развитие исторических событий не способствовало численному росту води и ижоры, напротив, шел обратный процесс. Территория расселения водских и ижорских племен до ее окончательного присоединения к России по Ништадтскому мирному договору 1721 г. столетиями служила ареной постоянных военных столкновений. Это вело — что с абсолютной достоверностью подтверждается источниками того времени — к массовому истреблению местного населения и катастрофическому повышению смертности от сопутствующих войнам эпидемий и голодовок. Сокращалась его численность и за счет переселений как добровольных, так и насильственных. Известен, например, угон орденскими рыцарями в 1444—1447 гг. пленной води на территорию современной Латвии, где она была поселена под г. Бауском. Длительное сохранение этой группы населения, так называемых кривингов, описанных впервые Видеманом в 1870 г.¹¹, позволяет предполагать ее значительную первоначальную численность.

Массовая эмиграция населения с побережья Финского залива началась после Столбовского мира 1617 г., когда эта территория отошла под власть шведской короны. По некоторым данным, к концу XVII в. на этой территории оставалось немногим больше четверти коренного насе-

⁶ P. Ariste, *Isuri keelenäiteid*, KKKU, V, 1960.

⁷ A. Laanest, Указ. раб.; его же, *Isurid ja isuri keel*, Tallinn, 1964.

⁸ «Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии», вып. V, ч. B, СПб., 1855, стр. 15, 22—24.

⁹ P. Ariste, *Vadjalastest Nan as 1549 aastal*, «Keel ja Kirjandus», 1961, № 9, стр. 543.

¹⁰ С. С. Гадзяцкий, Вотская и ижорская земли Новгородского государства, «Исторические записки», 1940, № 6, стр. 102; его же, Ижорская земля в начале XVII в. «Исторические записки», 1947, № 21.

¹¹ F. Wiedemann, *Ober die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland, St.-Petersburg*, 1871.

ления¹². Обезлюдившие территории шведские власти стремились заселить финскими колонистами, и именно к этому времени относится появление здесь основной массы финнов. Эти переселенцы происходили, очевидно, преимущественно от присайминской и привыборгской карелы¹³. Известно, что местное население принудительно обращали в лютеранство и, видимо, значительная часть его слилась с финнами. Однако это коснулось не всех¹⁴.

Уходя от экономического, политического и национального гнета шведских феодалов, русские, водь и ижора (а также карелы из Карелии) бежали через русско-шведскую границу и селились главным образом в Новгородской и Тверской землях. Большая часть переселенцев вернулась после Северной войны в родные места, а те, кто остались в местах переселения, рано или поздно слились с русскими. Из переселившейся ижоры дольше других сохранялась упоминавшаяся выше группа около Оредежа. В 1848 г. их насчитывалось еще 2179 человек, живших в 12 деревнях¹⁵. Они называли себя карелами и помнили, что переселились «при шведах»¹⁶.

Об изменении числа водско-ижорского населения в абсолютных цифрах мы располагаем данными только начиная с середины прошлого века, когда они были собраны академиком П. Кёппеном для составления карты населения Петербургской губернии (1848 г.)¹⁷. Данные Кёппена свидетельствуют о том, что водь проживала тогда только на небольшой территории от Усть-Луги до Матиа, Котлов и на юг к Керстову. Отдельные группы води сохранялись и восточнее — около Ицепина, около Замошья-Липкажей и под Копорьем. Всего води насчитывалось 5148 чел. В Ораниенбаумской волости води было всего 1475 чел., в Ямбургской — 3673 чел., в том числе в Сойкинском приходе 988 чел. Ижоры Кёппен насчитывал 17 800 чел., из них в Ямбургской волости — 7493 чел., остальные — в восточных районах.

Собранные Кёппеном статистические данные и разработанная им на их основе карта отличаются большой точностью, численность населения по народностям указана по каждой деревне, названия деревень приведены по-русски и на местных языках. Поэтому труд Кёппена и поныне сохраняет значение первоклассного исторического источника. К сожалению, последующие данные, даже цифры официальных переписей такой детальностью и точностью не отличаются. Численность ижоры долгое время оставалась стабильной, ее сокращение впервые отмечено переписью 1926 г. Численность води в 1897 г. вообще не учитывалась, а в 1927 г. ее насчитывалось 705 чел. Однако исследователь води Дм. Цветков, основываясь на собственных наблюдениях, определял приблизительную численность води в это время в 7500 чел.¹⁸, а П. Янсон —

¹² С. С. Гадзяцкий, Ижорская земля в начале XVII в.

¹³ A.-J. Sjögren, Ober die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und fiber die Ursprung des Namens Ingermannland, Gesammelte Schriften, Bd. I, 1861; 3. М. Дубровина, Из истории финского населения Ленинградской области, «Вестник Ленинградского университета», 1962, № 20.

¹⁴ Так, Холмогорский архиепископ Афанасий сообщал в 1701 г.: «об ону страну Невы реки обитают земледелатели Ижоры, наша христианская веры; церковь и священники с причетники имеют, обаче церковь нынешняя не священна... дань платят Шведам» («Описание трех путей из России в Швецию», «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 19, СПб., 1838); P. Ariste, Isuri keelest.

¹⁵ P. K ö p p e n, Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements, St. Pb., 11849.

¹⁶ P. Ariste, Isuri keelenäiteid...

¹⁷ P. K ö p p e n, Ethnographische Karte...

¹⁸ Dm. Tsvetkov, Vadjalased, «Eesti keel», IV, 1925.

в 694 чел.¹⁹ По данным ленинградских этнографов, к этому времени окончательно слилась с русскими водь Ораниенбаумского района и сохранилась только в Кингисеппском и Котельском²⁰. Лингвисты, основываясь на своих исследованиях и сообщениях информаторов, считают возможным заключить, что где-то на рубеже XIX и XX вв. произошел крутой сдвиг в процессе обрусения местного населения, выразившийся в быстром распространении знания русского языка. Водь стала вообще переходить на русский язык, хотя в третьей четверти XIX в. в быту сохранялся родной язык. Резко улучшилось знание русского языка у ижоры.

* * *

Процессу ассимиляции водско-ижорского населения способствовало много факторов и, несомненно, экономический сыграл среди них не последнюю роль²¹. Это обстоятельство хорошо подтверждается различными данными, в том числе и полевыми материалами, собранными в этих районах эстонскими и русскими этнографами и лингвистами в последние годы²². Конечно, эти материалы страдают большими пробелами, которые не могут быть целиком восполнены, так как за годы после второй мировой войны процесс обрусения зашел очень далеко, да и в формах >была после коллективизации произошли принципиальные изменения²³.

О хозяйстве води и ижоры в прошлом известно мало. Источники и старая литература говорят о том, что основным занятием было земледелие, дани и подати они платили зерном²⁴. Хозяйство ижоры коротко и четко характеризует Георги: «ижорцы... с давних времен упражняются в земледелии. Хозяйство их не походит прямо ни на русское, ни на финское, но хуже того и другого... хотя земли за ними много, однако мало пашут да и скотоводство >ж неважно»²⁵. В литературе XIX в. сведения о хозяйстве води и ижоры тоже очень скупы и позволяют только заключить, что они в основном занимались земледелием и уровень развития экономики оставался низким.

Следует отметить, что в этом крае природные условия для земледелия не очень благоприятны, особенно в низинной западной части, а также на прибрежной полосе Финского залива, где почвы песчаные и малопродуктивные. На Ижороком плато, т. е. начиная примерно от деревни Матиа, почвы более плодородны, и жители западных деревень называют восточный район «земельщиной», а жителей его «земельскими» (себя же — низовыми или долинными).

¹⁹ П. М. Янсон, Национальные меньшинства Ленинградской области, Сборник материалов, Л., 1929. Столь значительные расхождения в цифрах объясняются разной методикой определения национальной принадлежности.

²⁰ «Западнофинский сборник», I, Л., 1930 (см. статьи Я. Ленсу, Н. Ф. Прытковой и др.); В. Дубов, Лингвистическая работа среди ижор, «Сов. этнография», 1931, № 1—2.

²¹ О значении хозяйственных занятий води и ижоры для процесса ассимиляции см.: Harri ja Aliise Moora, Lisandeid vadjalaste ja isurite etnilisele ajaloolle, «Etnograafia muuseumi aastaraamat», XIX, Tallinn, 1964.

²² Автор настоящей статьи работал в этих районах в 1960—62 гг.

²³ По переписи 1959 г. ижорцами записалось всего 1.100 чел., а води вообще не числятся. Там не менее есть еще люди, хорошо говорящие по-водски, а численность населения, свободно говорящего по-ижорски, несомненно, превышает названную цифру.

²⁴ Г. Н. Немиров, Писцовые книги Водской пятины 1499—50 гг., «Временник Московского общества Истории и Древностей», XI—XII, 11851—1852; «Писцовые книги Ижорской земли», т. I, отд. И—2, СПб., 1859—1862; С. С. Гадзяцкий, Указ. раб.; «Описание трех путей из России в Швецию».

²⁵ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПб., 1776, ч. I, стр. 26.

Остановимся несколько подробнее на хозяйстве воды и ижоры. В прошлом здесь была известна подсечная система, которая пережиточно встречалась кое-где даже в конце XIX в., при выжигании нового участка под пашню²⁶. Дольше сохранялась такая форма пожога как «кютица» (или «кубыши») — сжигание хвороста, прикрытого дерном, на предназначенном к посеву участке. Кубыши применялись вплоть до коллективизации, правда, главным образом на участках, предназначенных под капусту²⁷. Еще лет 40 назад здесь преобладало трехполье²⁸, хотя постепенно внедрялись новые продовольственные и технические культуры, а также травосеяние. Традиционной культурой здесь были ячмень и рожь, сеяли овес, пшеница и гречиха занимали второстепенное место. Из технических культур сеяли лен и коноплю, и то и другое понемногу, для собственного употребления. Основным корнеплодом была, как и всегда при подсечной системе, репа, в XIX в. ее вытеснил картофель. Из овощей в основном сажали капусту, а морковь, лук, брюкву — в небольших количествах.

Для крестьянского хозяйства воды и ижоры с его примитивной техникой, бедностью подавляющего большинства дворохозяев какая-либо интенсификация хозяйства была практически недоступна. Еще более затруднялся подъем земледелия вследствие земельного голода. В результате переделов подушные наделы сократились до крайности, считалось, например, что дд. Валяницы и Криворучино не страдают от недостатка земли, так как подушный надел здесь был 4,5 дес., тогда как в д. Залесье приходилось только 2,5 дес. на душу — и это при скудных почвах западного района²⁹. Поэтому не удивительно, что крестьяне не только не были в состоянии производить товарный хлеб, но его не хватало и для собственного пропитания до нового урожая. Наши полевые записи из западной, «низовой» части полны сообщений о том, что хлеба хватало «на один день недели из семи», «до весны», «до рождества» и т. п.³⁰ Ограниченные площади сенокосов и выгонов не позволяли заниматься и животноводством. Хорошие луга имелись далеко не везде, большинство деревень ими не располагало и приходилось арендовать пастбищные и сенокосные угодья у помещиков или косить у них исполу³¹. В восточных районах земледелие было на более высоком уровне. Немало семей могли прожить за счет своего надела, и хлеба здесь хватало. Но фактором, определяющим развитие здесь сельского хозяйства, была близость столицы, емкого рынка, который поглощал самые разнообразные сельскохозяйственные продукты — от зерна и масла до ягод и грибов.

Высокодоходными были огородные культуры. Поэтому неудивительно, что в восточных районах, от Копорья и до самого Петербурга, развивалось товарное огородничество. Здесь устраивались парники и теплицы, причем у крупных огородников парниковые рамы насчитывались тысячами. Но огородничеством занимались преимущественно не местное население, а выходцы из Ростова Великого, потомственные огородники, пришедшие из одного из старейших и крупнейших огороднических центров России³². Были среди огородников также финны и нем-

²⁵ P. Ariste, Isuri keelenäiteid...

²⁷ Полевые материалы эстонского отряда Ин-та этнографии (далее — Материалы эст. отр. ИЭ), 1962 (д. Вистино, инф. Е. Захарова; д. Пятчино, инф. Н. Антонов).

²⁸ П. Янсон, Указ. раб., стр. 10.

²⁹ Материалы эст. отр. ИЭ, 1962 (д. Залесье, инф. К. Анисимов).

³⁰ Там же (д. Пятчино, инф. Н. Антонов; д. Вистино, инф. В. Иванов, Е. Захарова).

³¹ Там же (д. Ручьи, инф. А. Венкова).

³² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 3, стр. 302.

цы. Водско-ижорское население так же, как и местные бедняки, были в основном рабочей силой на этих огородах. Сюда приходили работать по найму даже из Эстонии. Работали на огородах преимущественно молодые девушки, которых так и называли по основному району работы «копорками». Эксплуатация наемного труда была здесь очень интенсивной. «Капиталистические отношения развиты очень широко, как в форме торгового капитала (промысел подвергается жесточайшей эксплуатации «барышников»), так и в форме найма рабочих. В пришлом населении, например, насчитано 115 хозяев-огородников (доход свыше 3-х тыс. рублей на 1 хозяина) и 711 рабочих-огородников (доход по 116 рублей)», — писал В. И. Ленин³³.

С течением времени в восточных районах приобрело товарный характер и молочное животноводство, сосредоточенное в основном в руках русского населения³⁴. Распределение молочного скота по дворам была крайне неравномерным. Если среднее число коров на двор в Петербургском уезде было особенно высоким, то, с другой стороны, процент бесскотных дворов был также самым высоким в Европейской России (18,8% против средних 13%). Эти данные хорошо характеризуют как товарный характер молочного животноводства в этом районе, так и обнищание крестьянства. В дачных местностях и ближайших окрестностях столицы и земледелие отражало это направление хозяйства: здесь до 23,5% земли было занято травами и свыше половины пашни отводилось под овес³⁵. Естественно, что наибольший доход получали крупные хозяйства, особенно те, что, минуя скупщиков, сами сбывали свою продукцию в Петербурге. Бедняки, у которых не было времени, а часто и лошади для того, чтобы возить продукты своего хозяйства в столицу, вынуждены были пользоваться услугами перекупщиков, которые их нещадно обирали.

Таким образом, в период быстрого развития капиталистического хозяйства в деревне в западных частях рассматриваемого района крестьяне не могли вести интенсивное товарное хозяйство уже в силу природных и социальных условий. В восточных районах близость столицы и лучшие почвы позволяли заниматься товарным молочным животноводством и огородничеством, и в связи с этим шло расслоение крестьянства и вытеснение беднейших его слоев из сельского хозяйства и даже из деревни вообще.

Следовательно, подавляющая масса крестьян должна была искать заработков помимо собственного хозяйства. Следует заметить, что в этих местах не было благоприятных условий для развития кустарных промыслов: отсутствовали ценные сорта сырья и рынки сбыта. Здесь долго удерживались натуральные формы хозяйства и крестьяне по возможности все делали сами. По рассказам местных жителей, даже на покупные сани или телеги (местный традиционный транспорт — двуколка), старались своими силами ставить подрезы и обтягивать колеса ободом. Ремесленники, работавшие на заказ, и деревни, где то или иное ремесло получило товарный характер, были весьма немногочисленны. В водской, но сравнительно давно обрусевшей деревне Валковицы существовали деревообделочные промыслы: изготовление самопрялок, посуды из клепки, тележных колес и т. п.³⁶ В ижорских деревнях Большое и Малое

³³ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 3, стр. 302.

³⁴ Там же, стр. 274.

³⁵ Там же.

³⁶ С. М. Васильев, Мелкая кустарно-ремесленная промышленность в сельских, местностях Ленинградской губернии, «Труды Ленинградского общества изучения местного края», I, Л., 1927.

Стремление было развито гончарство³⁷. Гончарные изделия возили отсюда в Нарву, где они хорошо раскупались, а также в Финляндию. Гончарное ремесло в этих деревнях сохранялось и после коллективизации.

Если с течением времени рост денежных отношений в деревне и привел к некоторому расширению рынка, то он не создал благоприятных условий для развития ремесла: такие центры как Петербург и Нарва с их дешевыми фабричными товарами подавляли всякую возможность его развития. Сохранялись только отдельные мастера-строители: плотники, столяры и печники, которые ходили по району, подрабатывая на строительстве домов. Среди них было немало высококвалифицированных мастеров³⁸.

Для крестьян, живших на морском побережье, возможность дополнительных заработков представляла рыбная ловля. Рыболовство было развито в Острове (Усть-Луге), на Сойкинском полуострове и в некоторых прибрежных деревнях далее на восток. Ловили преимущественно мелкую рыбу — салаку, корюшку, ряпушку, кильку, которые шли на продажу, а частичная рыба оставалась для домашнего употребления. Поскольку местные рыбаки не оставляли своих земледельческих занятий, то рыбной ловлей они могли заниматься только осенью и зимой, когда рыбаки выезжали на саях далеко в море сроком на 1,5–2 месяца. С собой везли дощатые «будки», в которых жили на льду, иногда ограничивались тем, что ставили шалаши («салатики») из жердей и покрывали их брезентом. Некоторые добирались до островов Лавансаари, Сейскари и др. и снимали там у финнов угол на все время лова. Когда набиралось достаточно много рыбы, кто-нибудь шел с саями на берег и отвозил ее. Женщины работали на льду наравне с мужчинами: тянули сети, чистили их, чинили³⁹. Лов со льда был крайне опасен: лед часто ломался, людей уносило в открытое море вплоть до Финляндии, часты были человеческие жертвы. Условия жизни на льду и тяжелый труд подрывали здоровье. Недаром здесь, как и везде у поморов, широко распространена была поговорка: «кто в море не бывал, тот горя не видал».

Улов, как правило, доставался скупщикам. Зимой, когда рыбу можно было заморозить, крестьяне иногда сами возили ее в город, но в большинстве случаев продавали ее на месте и очень дешево⁴⁰. Иногда скупщик торговал улов еще не вытнутых сетей. При лове неводом крестьяне делили деньги поровну. Лодка обычно принадлежала нескольким хозяевам, построившим ее на паях, общим был и невод, сети каждый приносил свои. Лодки строили местные мастера, платили им поденно, и сложившиеся на лодку крестьяне сами работали на ее постройке под руководством мастера⁴¹. Сети изготавливали своими руками, и только с 1920-х гг. распространилась покупная нитка, а затем стали покупать и сетевое полотно. До этого нить для сетей пряли изо льна, а подборы делали из конопля. Вязание сетей было делом женщин и детей⁴². Иногда устраивали для этого посиделки⁴³. Мужчины только коптили (а позже красили) готовые сети. Некоторые бедняки, сами не занимавшиеся рыболовством, плели сети на продажу местным рыбакам. Крестьяне не

³⁷ П. А. Золотарев, У ижор, «Труды Лен. об-ва изучения местного края», I.

³⁸ Р. М. Г а б е, Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградской области, «Западнофинский сборник». I, Л., 1930.

³⁹ На лед шли девушки иногда с 13, а как правило — с 15–16 лет, Материалы эст. отр. ИЭ, 1962 (д. Вистино, инф. Е. Захарова, К. Иванова; д. Ручьи, Залесье и др.).

⁴⁰ Иногда сдавали рыбу на копильни, которые здесь имели пришлое латыши.

⁴¹ Материалы эст. отр. ИЭ, 1962 (д. Вистино, Ручьи, Залесье и др.).

⁴² Материалы эст.-отр. ИЭ, 1962. Е. Захарова из деревни Вистино рассказывала нам, что начала вязать сети пяти лет от роду.

⁴³ P. Ariste, Isuri keelenäiteid, стр. 18.

имели никаких возможностей страховать свои лодки и снасти, поэтому гибель их в море наносила непоправимый ущерб хозяйству. Разорившемуся рыбаку оставалось идти на заработки, обычно в пастухи.

Деревни, расположенные 'подальше от берега, морским рыболовством не занимались. Рыбная ловля во внутренних водоемах служила только подспорьем в домашнем хозяйстве и не имела товарного значения. Исключением было только рыболовство в низовьях Луги, где водились такие ценные породы рыбы, как лосось и минога. Однако Луга принадлежала помещику и рыбные угодья приходилось арендовать. Их брали в аренду всей деревней, а затем делили места по жребии. Лов велся заколами, сетями, мережками, на миногу ставились особой формы морды из лучины, которые требовали ежедневного осмотра и перестановки в зависимости от того, в каком слое воды шла рыба. Рыбаки пожиточней имели для миноги коптильни.

Лов миноги не обеспечивал прилужским крестьянам прожиточного минимума. Основной заработок они получали от лесосплава, «жили багром»⁴⁴. Лес как плотами, так и россыпью гнали с юга от Осьмина, преимущественно в Усть-Нарву. На долю местных лесогонов падала тяжелая задача перегонять лес с Луги в извилистую Россонь к Усть-Нарве на лесопильные заводы. Крестьяне работали плотовщиками, на выкатке бревен, сортировке и погрузке леса. Сплавом занимались крестьяне и на р. Систе. Часть крестьян зимой работала дровосеками. Хозяева побогаче, имевшие двухмачтовые парусники, возили дроза, а также и другие грузы, в частности камень и гравий⁴⁵, в Петербург.

Несмотря на наличие этих подсобных занятий, в деревнях ощущалась нужда в дополнительных заработках. В отход шла молодежь, в первую очередь мальчишки-подростки. В город, особенно в прошлом веке, идти не решались, так как не знали русского языка⁴⁶. Поэтому отправлялись на восток в «земельчину», где нанимались в подпаски и пастухи. Те, кто шли уже не в первый раз, обычно имели договоренность о работе, новички весной выходили в путь, расспрашивая по дороге, где нужен пастух. Девушки также шли искать работу на огородах, где и оставались все лето и осень, до снега, пока не была срублена капуста. Труд чаще оплачивался не деньгами, а зерном.

Только в последние годы перед Октябрьской революцией девушки (особенно из прилужских деревень) стали уходить в Нарву на Кренгольмскую мануфактуру. Она была близко, на субботу — воскресенье можно было пешком добраться до дому и легче было обойтись без знания русского языка. Конечно, работа как в восточных районах, часто по найму у русских, так и в городе способствовала распространению русского языка среди водского и ижорского населения, в том числе и среди женщин. Между тем, обычно в крестьянском быту, когда в отход идут только мужчины, женщины значительно медленнее осваивают чужой язык.

В восточных районах отход в город также все время усиливался. В зимнее время, когда земледельческие работы прерываются, многие крестьяне восточных районов отправлялись в Петербург поработать в качестве извозчиков. Иные шли в Кронштадт, где было особенно просто — «стал на угол и жди седока»⁴⁷. Этим промыслом занимались как

⁴⁴ Материалы эст. отр. ИЭ, 1961 (д. Куровицы).

⁴⁵ Материалы эст. отр. ИЭ, 1960 (д. Лужицы, инф. А. Нестерова).

⁴⁶ «В город не ходили, так как по-русски не говорили», — говорила нам В. Венкова. См. материалы эст. отр. ИЭ, 1962 (д. Ручьи, инф. В. Венкова; д. Залесье, инф. К. Анисимов и др.).

⁴⁷ Материалы эст. отр. ИЭ, 1962 (д. Климетино, инф. О. Константинова).

бедные крестьяне, имевшие лошадь, так и богатые, державшие специально для этой цели по несколько лошадей и выездные сани. Особенно много извозчиков было из водских деревень Великино, Ивановское, которые теперь уже совсем обрусели.

В широких масштабах развивалось-здесь перекупничество или, по местному выражению, «маклачество». Особенно этим славились деревни в окрестностях Копорья. Это паразитическое занятие получило здесь особенно широкое распространение, потому что товарное хозяйство в этих местах было развито все же слабо (особенно на западе) и крестьянин, не поставивший на рынок специально какого-либо продукта, не мог себе позволить везти в город то немногое, что мог пустить на продажу. Кроме того, скупщики зарабатывали и на разнице цен между Нарвой и Петербургом: они нередко покупали дешезую сельскохозяйственную продукцию в Нарве и везли ее в столицу или «-малые города» — Красное Село, Ораниенбаум. У крестьян они скупали все — рыбу, масло, ягоды, фрукты, грибы, а также гончарные изделия.

Разорившиеся крестьяне восточного района предпочитали уходить в Петербург, а не наниматься в работники на месте. Иногда шли на заработки и хозяева зажиточных дворов, нанимая на лето или весь год батрака: с запада в восточные деревни поступало достаточно дешевой рабочей силы, а работа в городе была доходнее.

Значительная часть местных крестьян шла в ремесленники — многие деревни имели в столице установившиеся связи и из одной деревни крестьяне шли в портные, из другой — в сапожники, из третьей — в картузники и т. п. Но с течением времени все большая часть крестьян нанималась на фабрики, обычно также придерживаясь определенного промышленного предприятия, поскольку там уже работали односельчане.

Отправлялись в город и девушки. Правда, основная часть их затем возвращалась домой, чтобы выйти замуж в своей деревне, и больше на заработки не ходила. Девушки, как правило, нанимались в няньки, судомойки, черные кухарки и т. п. Такую работу можно было найти как в Петербурге, так и в Кронштадте.

Чем ближе к Петербургу была расположена деревня, тем больше ощущалась на ее хозяйстве близость столичного рынка. Оно приобретало те специфические формы, которые В. И. Ленин называл подгородным хозяйством, отличающимся отсутствием определенной специализации, где крестьянин торгует всем понемножку: «...и своим домом, сдавая его дачникам и квартирантам, и своим двором, и своею лошадыю, и всяческими продуктами своего сельского и дворового хозяйства — хлебом, кормом для скота, молоком, мясом, овощами, ягодами, рыбой, лесом и пр.,-торгует молоком своей жены (питомнический промысел под столицами), добывает деньги разнообразными (не всегда даже удобо-передаваемыми) услугами приезжим горожанам и т. д.»⁴⁸

* * *

Таким образом, хотя условия развития крестьянского хозяйства восточной и западной части рассматриваемой территории были несколько отличны, но развитие капиталистических отношений и разорение крестьянской массы с конца прошлого века в обеих частях района вели к тому, что необходимость искать дополнительных заработков вне пределов собственной деревни постоянно возрастала. Следовательно, увеличилась подвижность населения, что ускоряло процесс ассимиляции водско-

⁴⁸ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 3, стр. 306.

ижорского населения. Этот процесс, как уже говорилось в начале статьи, был обусловлен всей предшествующей историей края, начиная с первого тысячелетия н. э., когда связи со славянами, и ранее прослеживавшиеся по археологическим материалам, сменились уже непосредственным контактом благодаря проживанию на одной территории. За целое тысячелетие жизни бок о бок с русскими водь и ижора приобрели в своем быту немало русских черт. Не останавливаясь специально на этом вопросе, мы только напомним о близости их материальной культуры к русской. Очень рано было воспринято русское жилище, т. е. ни одно описание не отметило иного, только терминология и сравнительные материалы по креви«гам позволяют предполагать, что в прошлом у води жилище было такого же типа, как у эстонцев (так называемая жилая рига). Более устойчиво сохранялись самобытные черты в женской одежде. Здесь этнографы могли проследить, как постепенно шло ее вытеснение русской и как непосредственно перед переходом к городским формам одежды водь и ижора восприняли сарафанный комплекс. Некоторое своеобразие сохранялось до последнего времени у финноязычного населения в пище. В таких же отраслях материальной культуры, как сельскохозяйственные орудия и транспорт, сколько-нибудь существенных различий с местными русскими уже не зафиксировано. Даже в духовной культуре, обрядах и обычаях явственно прослеживается усиливающееся русское влияние.

Религиозное единство с русскими имело немаловажное значение для судеб води и ижоры не только в период раннего феодализма, но и позже, прежде всего потому, что свободно допускало смешанные браки. Характерно, что в Оредежском районе, где ижорские переселенцы были государственными крестьянами, а русские в окрестных деревнях — помещичьими крепостными, ижора держалась обособленно вплоть до отмены крепостного 'Права, а затем стала заключать браки и очень быстро обрусела. Принадлежность, к православной церкви обуславливала и отсутствие выраженного национального гнета по отношению к води и ижоре. Разумеется, они бывали жертвами административного, полицейского и помещичьего произвола, но приблизительно в той же степени, что и их русские соседи. Одинаково с русскими было и их социальное положение, они жили в условиях того же аграрного строя. Сравнительная неподвижность и замкнутость натурального хозяйства в крепостнические времена сдерживали процесс ассимиляции. С развитием товарно-денежных отношений, с общим ростом подвижности населения и отливом его в города на заработки водь и ижора стали быстрее осваивать русский язык. По нашим наблюдениям, процесс ассимиляции шел быстрее в восточных районах, хотя там в среднем наблюдалась более высокая зажиточность, но и капиталистические отношения развивались быстрее и население дольше и чаще бывало в Петербурге. На западе, хотя крестьянам приходилось постоянно искать дополнительных заработков, они медленнее обрусевали. Они жили дальше от Петербурга и по незнанию русского языка не рисковали идти туда, предпочитая искать работу в сельских местностях и Нарве.

Процесс ассимиляции водско-ижорского населения шел на западе и на востоке с разной степенью интенсивности, но все же с развитием капиталистических отношений сравнительно быстро на всей территории.

* * *

Как уже упоминалось выше, перепись 1959 года не зафиксировала води и только 1100 чел. записались ижорцами. С одной стороны, это явилось результатом того, что водь и ижора считают себя русскими.

Как правило, на вопрос о национальной принадлежности люди отвечают, что они исконные русские, только язык иной, или только деды говорили по-своему. Поэтому русскими, несомненно, записывались и те, у кого до сих пор в семье говорят по-ижорски. С другой стороны, резкое сокращение численности обеих групп в определенной степени является результатом дальнейшей ассимиляции. Полевые исследования в этих районах подтверждают, что людей, хорошо знающих водский язык, осталось около двух десятков человек в 8—9 деревнях на Луге и близ Котлов. Ижорский язык распространен гораздо шире, ижорское население живет в 19—20 деревнях, и численность людей, в домашнем быту пользующихся ижорским языком, несомненно, значительно превышает данные переписи.

По-ижорски часто говорят между собой рыбаки, женщины на полевых работах, дома говорят на родном языке старики. Как объясняли многие местные жители, старики между собой говорят по-ижорски, молодежь по-ижорски говорит только со стариками, а дети и со стариками говорят уже только по-русски, но понимают по-ижорски. Теперь трудно встретить человека, не знающего русского языка (это изредка только очень старые женщины). Однако старики часто не различают грамматического рода (его нет в западнофинских языках).

Несомненно, культурная революция в корне изменила культурную жизнь водско-ижорского населения. Следует отметить, что в районах с финноязычным населением были открыты, помимо русских, финские и ижорские школы. Однако последние просуществовали недолго и после Отечественной войны их больше не создавали. Местное население предпочитало учить своих детей в русских школах, чтобы им легче было потом продолжать образование. Огромное значение для роста культуры имели радио, кино, печать. Общее повышение культурного уровня, коллективный совместный труд, полная ликвидация национального гнета и классовых противоречий, все это, несомненно, способствовало дальнейшей ассимиляции водако-ижорского населения.

SUMMARY

The development of capitalist relations in the countryside at the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries served to accelerate the process of assimilation of the Vodsky and Izhorsky population of the former St. Petersburg Province. Especially rapid was this process in the eastern areas, where the influence of the capital city was stronger-